

С. Н. Кистерев

К РАННЕЙ ИСТОРИИ ГОСТИНОЙ СОТНИ

Одним из актуальных вопросов истории русского купечества XVI в. является определение времени возникновения корпорации, получившей в трудах одних исследователей наименование привилегированной, у других — служилой или придворной. Речь идет о гостиной сотне, впервые прямо упоминаемой в источниках в 1588 г.,¹ но, по иным материалам, существовавшей уже несколькими десятилетиями ранее.² Некоторые документы, сохранившиеся в фонде актов Троице-Сергиева монастыря, позволяют вернуться к рассмотрению проблемы.

Для начала напомним, что в составленном в 1569/70 г. завещании Семена Васильева сына Степанова читается: «Да взяти мне на Юрье на Борисове сыне Глазееве да на Матвее на Тараканове да на Иване на Константинове с товарыщи, что заимовали в сотну по двема кабалам полтораста рублей».³ Здесь речь идет об общности, которая и будет называться гостиной сотней. Входящие в нее Ю. Б. Глазев, М. Тараканов и И. Константинов занимали в два приема деньги не для себя лично, но для нужд гостевого объединения, и хотя они несли персональную ответственность перед заемодателем, для последнего не было секретом, что его деньги были востребованы и потреблены

¹ Андрей и Петр Степановы дети Улановы в своей чебобитной в это время именовали себя торговыми людышками гостиной сотни (Русско-белорусские связи (1570–1667 гг.). Минск, 1963. С. 22. № 18). Иван Иванович, Андрей и Петр Степановичи Улановы — дядя и племянники — в приходной книге Чудова монастыря 1585/86 г. названы «старицкими сведенцами» (Богатырев С. Н. Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г. М., 1996. С. 42). Следовательно, они уже в это время оказались вынужденными жителями столицы.

² Кистерев С. Н. Структура гостиной сотни во второй половине XVI — первой половине XVII века // ОФР. Вып. 16. М.; СПб., 2013. С. 250.

³ АФЗХ. Ч. 2. М., 1956. С. 391. № 352.

корпорацией. Следовательно, к 1569 г. гости были включены во вновь созданное образование, нуждающееся в средствах как, очевидно, обязанное платежами и службами в пользу верховной власти.

Имеются основания считать, что таковое объединение гостей возникло гораздо ранее, чем оно упоминается как сотня в завещании С. В. Степанова. В жалованной грамоте Ивана IV игумену Троице-Сергиева монастыря Иоасафу 15 апреля 1556 г. частично излагалась история монастырских дворовладений в Богоявленском переулке: «Что был у них двор их на Москве в новом городе в Богоявленском переулке с Ильинские улицы к Николской улице по левой стороне, в длину двадцать сажен с полусаженью, а поперег четырнадцать сажен, и тот у них двор взят и отдан Онфиму Селиверстову сыну, а игумену Иосафу с братьем в того их двора место дан им двор в том же Богоявленском переулке с Ильинские улицы по правой стороне Лобановской Иванова сына Слизнева суконного тягla, в длину сорок сажен с полусаженью, а поперег девять сажен без локти, а в другом месте в огороде восемь сажен».⁴ Привлекает внимание упоминание особого «суконного тягla», объект обложения которым можно видеть в известном образовании, носившем наименование суконной сотни. Открывается возможность полагать, что к моменту оформления жалованной грамоты таковое уже существовало и имело характер сложившейся и функционирующей организации. Дальнейший текст подтверждает данное суждение, поскольку в нем говорится, что царь «пожаловал, велел им тот двор Лобановской Слизнева обелити ото всех своих податей и вперед им с того двора с суконничим старостою и с тяглецы в золотые, ни в пищальные деньги, ни в поворотное, ни в которые проторы, ни в разметы не тянути».⁵ Здесь важно упоминание суконничьего старосты как лица, представляющего интересы объединения и ответственного за исполнение возложенных на всех тяглецов обязанностей. Трудно сомневаться в том, что суконная сотня является весной 1556 г. вполне сложившимся социальным организмом. Следовательно, формирование определенных корпораций из состава столичного купечества в данное время если и не завершилось, то активно проводилось. Полагаем, мы вправе думать, что одновременно и параллельно происходило образование и гостиной сотни.

Среди троицких документов есть одни, заслуживающие особого внимания в связи с вопросом о времени возникновения обеих сотен.

⁴ АИ. Т. 1. СПб., 1841. С. 314–315. № 164.

Анфим Селиверстов — сын знаменитого священника кремлевского Благовещенского собора Сильвестра. О них см.: Перхавко В. Б. Семья священника Сильвестра // АЕ за 2004 год. М., 2005. С. 46–61.

⁵ АИ. Т. 1. С. 315. № 164.

5 июля 1555 г. Иван Елизаров сын Есипова дал монастырю «двор свой, что на Москве в Китае городе в Благовещенской улице, место гостиное, сторону Субота Прасолов, а з другую сторону староста Федор Лукъянов суконничих дворов».⁶ Ф. Лукъянов был, вероятно, именно тем суконничим старостой, о котором говорилось в грамоте 15 апреля 1556 г. Здесь наряду с «суконничими дворами», то есть принадлежащими состоящим в суконной сотне, возникновение которой, таким образом, отодвигается к еще более раннему времени, упоминается «место гостиное», дворовое место, не просто принадлежащее Ивану Есипову, но называющееся «местом гостиным», а не «местом гостя», аналогично выражению, применяемому для обозначения дворов суконной сотни — «суконничьи дворы». Это намекает на существование в среде гостей такого же объединения, какое было у суконников, на определение дворовладения через статус лица, принадлежащего к некоей корпорации.

В 1534/35 г. некто, назвавший себя Иваном Михайловым сыном Семеновым, оформив уже личное завещание, составил документ, который был призван зафиксировать одно из распоряжений завещателя — передачу Троице-Сергиеву монастырю в лице игумена Иоасафа двора на Дмитровской улице в Москве, полученного в свое время по великокняжескому распоряжению взамен отписанного в казну двора в Кремле «за Головиною полатою» и взятого еще ранее, при Василии III, вотчинного же двора «у Ивана у Богослова». Вклад делался И. М. Семеновым по родителям — прадеде Антоне, деде иноке Серапионе, отце Михаиле, матери Марии, неких родственниках Матрене и Андрее, возможно, детях вкладчика, и в память по самому дарителю, уже принявшему постриг под именем Иоасафа.⁷

16 января 1540 г. Троице-Сергиев монастырь получил грамоту от имени великого князя Ивана IV, в которой записано: «Бил ми че-

⁶ РГБ. Ф. 303.І. № 520. Л. 164–164 об.

⁷ Там же. № 287. Принятие монашества Иваном Михайловичем именно в Троице-Сергиеве монастыре выглядит вполне закономерным, если учесть особое отношение к Сергию Радонежскому в семействе вкладчика. В Житии Сергия содержится повествование о чуде исцеления, произошедшем с одержимым тяжелой болезнью мужем «от великих купец славных господствующему граду Москве» Семионом, сыном Антона и Марии, «рода славна и великоименита, ... от благоверных мужей и богатых, и любими премного святым Сергием добродетелнаго ради жития, иже по пророчеству святого родися». Молва о чудесном выздоровлении, по свидетельству составителя Жития, имела источником рассказы самого облагодетельствованного: «Сия же и доныне от сего самого Семеона в слухи всем исповедающа сия» (Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. М., 1998. С. 425, 427). Текст воспроизведен по рукописи: РНБ. F.I.306). Иван Михайлович в данной именовал себя Семеновым, а по прадеду — Антоновым. Его дед Семен, о котором и рассказывается в Житии Сергия, окончил свою жизнь, приняв постриг под именем Серапиона.

лом, а сказывает, что, отходя сего света, гость наш Иван Михайлович Антонов дал в дом живоначальной Троице и Сергею чудотворцу вотчинной свой двор на Москве на большой улице на Дмитреевской у Ильи святого возле Володимеров двор Тютина, а тот их двор написан в тягле з гостиными дворы и тягль нашу з гостыми со всеми тянули, и нам бы их пожаловати, с того двора тягли своей и всяких пошлин имати не велети и з гостыми бы им не тянути ни в которые разметы. И яз, князь велики, Троецкого Сергиева монастыря игумена Перфирья з братьею пожаловал, с того есмя двора тягли и всяких пошлин имати не велел и з гостыми ни в которые разметы и протори тянути не велел ничем».⁸ Из текста грамоты понятно, что в 1534/35 г. вкладчиком выступал один из видных московских купцов, облеченный званием государева гостя Иван Михайлович Антонов.⁹ Принадлежа к числу избранных в купеческой среде, Иван Михайлович (важно обратить внимание на использование в великокняжеской грамоте полного отчества с -вичем) как владелец двора на Дмитровке обязан был нести некое тягло, в которое его двор был положен вместе с дворами его коллег. Естественно, переход недвижимости к новому владельцу, коим стал монастырь, требовал изменения статуса дворовладения, почему и было принято решение об освобождении нового троицкого двора от всех повинностей, связанных с положением его прежнего собственника. С этого момента двор исключался из объектов, за владение которыми требовалось исполнять определенный набор служб, платить некие пошлины и участвовать в распределении обязанностей и убытков наравне с иными гостями.

Необходимо заметить, что составитель грамоты в качестве тяглецов, в число которых ранее входил и И. М. Антонов, рассматривал и называл собственно гостей и не упоминал какое-то их объединение, корпорацию. Однако ясно, что гости несут налагаемые на их дворовладения повинности, определяемые не тем, что хозяева являются обладателями некоей земельной площади в пределах столицы и расположеными на ней жилищными и подсобными постройками, а тем, что они носители высокого звания, пожалование которого, придавая особую честь, накладывало массу служебных и, видимо, финансовых обязанностей, называемых в грамоте тяглом, пошлинами и проториями.

⁸ РГБ. Ф. 303.І. № 520. Л. 20–20 об.

⁹ Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 186; Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998. С. 26. В опубликованном перечне актов Троице-Сергиева монастыря И. М. Семенов и И. М. Антонов не отождествлены (Перечень актов Архива Троице-Сергиева монастыря. 1505–1537. М., 2007. С. 417. № 448).

Можно предполагать, что для решения некоторых технических вопросов гости из своей среды могли выдвигать ответственных за соблюдение порядка в уплатах пошлин или несении службы, но это было бы элементом общественной самоорганизации, не подразумевающей непременного оформления всех гостей в особую корпорацию. Вместе с тем в документе утверждается, что гости несут тягло и расходы не каждый сам по себе, но совместно. Это единственный вариант адекватного понимания допущенного составителем грамоты выражения «з гостьми со всеми тянули». Следовательно, налицо именно объединение гостей в единое сообщество, не просто возникшее в ответ на потребность решения проблем, появившихся во взаимоотношениях с властями, но признаваемое этими властями, в лице ее бюрократии, официально в качестве корпорации, обязанной как некое целое исполнением служб и уплатой пошлин. Такое признание говорит об ином характере объединения гостей, нежели только общественной самоорганизации. Отсюда открывается возможность относить возникновение гостиной сотни к периоду более раннему, чем это считалось до сего времени.¹⁰

Нужно обратить внимание, что И. М. Антонов передавал монастырю двор, полученный им от великого князя взамен его старинных «вотчинных» владений в московском Кремле и «у Ивана у Богослова». Если лишение гостя места жительства внутри Кремля еще можно пытаться объяснить потребностями социального обустройства великоокняжеской резиденции, то изъятие у него второго двора, стоящего вне пределов территории, ограниченной кремлевской стеной, тем же самым оправдать нельзя. Более того, пожалование двора на Дмитровке сопровождалось, как написано в данной Антонова, расширением его площади придачей дополнительных семи саженей, что свидетельствует, во-первых, о стремлении компенсировать верноподданному его убытки, а во-вторых, о неотступном желании определить место пребывания гостя именно в определенном месте на Дмитровской улице.

В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что и С. В. Степанов, состоявший в гостиной сотне и женатый на сестре гостей Никифора и Ивана Юрьевичей Петровых, чьи потомки будут заметными

¹⁰ Возникновение гостиной сотни, в которую не включались, по ее мнению, собственно гости, Н. Б. Голикова относила к периоду между 1566 и 1584 годами, поскольку представители сотни не упомянуты среди присутствовавших на соборе 1566 г., а первая общая жалованная грамота корпорации была дана еще Иваном IV (Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России... Т. 1. С. 217–218). Критику этого суждения с выводом о формировании гостиной сотни из самих гостей ранее 1550 г. см.: Кистерев С. Н. Структура гостиной сотни... С. 242–251.

фигурами в купеческом мире XVII в.,¹¹ 15 декабря 1561 г. отдал строителю Троице-Сергиева монастыря Варсонофию «двор свой на Москве два места на Дмитровской улице в Сущевской слободе, что было Тимофеевское место Бражникова оброчное, да другое место Настасьинское сарафанницы подле Иванов двор Рожново, да з другую сторону Оксиньи торговки».¹² Даруемый монастырю двор не был исконным владением С. В. Степанова, но сформирован из земельных участков, принадлежавших иным москвичам. Налицо территориальная близость расположения на одной улице дворов двух гостей, при том что оба двора не были их вотчинной недвижимостью.

Это обстоятельство дает основание видеть осуществляемый властью процесс концентрации гостевых дворовладений в одном из районов столицы, именно — на Дмитровской улице. В таком случае можно полагать, что имела место попытка формирования своеобразного городского квартала, населенного торговыми людьми, наделенными званием гостя. Отсюда появляется возможность говорить о создании корпорации гостей в том числе и как внутригородской территорииальной общности. В пользу такого мнения свидетельствует, как кажется, и то, что Федор Лукьянин упоминается старостой не «суконников», а «суконничьих дворов», как бы расположенных в одном месте или поблизости друг от друга. Вероятно, обе сотни первоначально мыслились и как территориальные образования внутри городского пространства. Однако такие построения стали бы не более, чем малообоснованной догадкой.

В данной И. М. Антонова Троице сказано, что двор на Дмитровке он получил от великого князя Ивана Васильевича, а расширение площади произошло уже при великом князе Василии Ивановиче. Иными словами, переселение Антонова из Кремля было осуществлено по указу Ивана III, то есть ранее 1505 г., а изъятие у него двора «у Ивана у Богослова» с возмещением придачей дополнительной площади к двору на Дмитровке стало следствием распоряжения от имени Василия III или не позднее начала декабря 1533 г. Столь широкая хронология событий наводит на мысль, что перемещение на Дмитровскую улицу стало следствием каких-то экстремальных явлений, случавшихся в периоды правления двух великих князей, например, больших пожаров, после которых гость не восстанавливал строения на пепелищах, а строился на новом месте. Правда, и это лишь догадка.

¹¹ АФЗХ. Ч. 2. С. 392. № 352; Кистерев С. Н. Дело 1643 г. о подмосковной вотчине гостей Юрьевых // ОФР. Вып. 17. М.; СПб., 2013. С. 193–202.

¹² РГБ. Ф. 303.1. № 520. Л. 168 об.–169. Во вкладной книге вклад датирован 15 декабря 7071 г., то есть годом позже (Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 223).

Зато более определенно можно говорить о сложении гостиной корпорации не позднее княжения Василия III, поскольку почти сразу после его кончины в декабре 1533 г., буквально через год-полтора, И. М. Антонов отдал свой двор монастырю как уже обложенный тяглом вместе с дворами других гостей. Следовательно, организация, объединившая в своем составе гостей, уже существовала в правление Василия Ивановича, правительство которого считало этот слой торговых людей одним из разрядов служилых людей. Разумеется, характер службы соответствовал специфике занятий самих гостей, свидетельством чему, в частности, является хотя бы назначение смотрителем новгородского денежного двора в начальный период денежной реформы летом 1535 г. московского гостя Богдана Семеновича Корюкова.¹³ Вполне вероятно, что метрологические принципы проводимой реформы разрабатывались также московскими гостями,¹⁴ что стало для них еще одним видом службы государству.

Создание гостиной служилой корпорации, вероятно, не стоит датировать отдаленным от 1533 г. временем. Против этого свидетельствует тот факт, что в Судебнике 1550 г. всем гостям, без какого-либо разделения их на группы, назначается бесчестье в 50 рублей.¹⁵ Последующие юридические памятники определяют различное возмещение за бесчестье гостям, разделяя их на три категории — «больших», «середних» и «меньших».¹⁶ Возникновение такой иерархии

¹³ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 570–571; Голикова Н. Б. Привилегированное купечество в структуре русского общества в XVI — первой четверти XVIII в. Из научного наследия. М.; СПб., 2012. С. 115–117. О нем см.: Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России... Т. 1. С. 27–28.

¹⁴ Кистерев С. Н. Метрологические особенности денежной реформы правительства Елены Глинской // ОФР. Вып. 5. М., 2001. С. 23–24.

¹⁵ Судебники XV–XVI веков. М.; Л., 1952. С. 148. По мнению одного из первых исследователей русских законоположений о возмещении за бесчестье, в Судебнике 1550 г. бесчестье не принадлежавших к числу детей боярских или дьяков лиц оценивалось, исходя из имущественного состояния потерпевшего (Духовской М. В. Понятие клеветы как преступления против чести частных лиц по русскому праву. Ярославль, 1873. С. 175). Однако автор статьи 26 Судебника в потерпевших видел только принадлежавших к определенным юридическим, но не имущественным разрядам населения.

¹⁶ Судебники XV–XVI веков. С. 353, 382. Подробнее см.: Кистерев С. Н. Структура гостиной сотни... С. 236–241.

Судебник 1589 г. представляет собой лишь признаваемую Устюжской четвертью, приоровленную к пониманию не отличавшихся высокой грамотностью судей Устьянских волостей и пополненную новеллами версию Царского судебника (Андреев А. О происхождении и значении Судебника 1589 г. // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Петербург, 1922. С. 219). В. Н. Козляков видит в Судебнике 1589 г. лишь проект нового кодекса (Козляков В. Н. Борис Годунов. Трагедия о добром царе. М., 2011. С. 138–140).

внутри общности гостей, уже называвшейся гостиной сотней, было обусловлено появлением в ее составе самостоятельных хозяев из числа младших родственников обладателей высокого звания. Естественно, для образования двух и более слоев в среде гостей требовалось некоторое время, но не большее, чем для возмужания двух-трех новых поколений в гостиных семьях. И если документам 80-х годов XVI в. известны не только три категории собственно гостей, но и люди гостиной сотни без такого звания, то первое поколение служилых торговцев в чине гостя должно было оказаться во вновь созданной сотне не ранее 20-х годов того же столетия.

Н. Б. Голикова, исходя из общих представлений о поддержке правительством посадского населения и, прежде всего, зажиточных торгово-ремесленных слоев, полагала, что уже в начале правления Елены Глинской, около 1535 г., московские гости должны были получить корпоративную жалованную грамоту, в которой, помимо прочего, устанавливался размер возмещения за нанесенное бесчестье, как он зафиксирован в тексте Судебника 1550 г.¹⁷ Существование созданной правительством служилой корпорации должно было подразумевать наличие некоего документа, в котором были бы более или менее подробно прописаны права входящих в ее состав торговых людей. Если это верно, то первым опытом издания такой корпоративной грамоты для всей гостиной сотни должен был быть акт правительства Василия III. Естественно, что не расписывавший еще гостей на категории в отношении платы за бесчестье, этот документ в последующие десятилетия не представлял интереса для новых поколений людей гостиной сотни. Для них имели значение лишь такие официальные бумаги, в которых было зафиксировано более позднее и отдавшее новым реалиям положение дел. Именно поэтому в дальнейшем отсчет пожалований гостиной сотне начинался с грамоты Ивана IV, появившейся в любом случае значительно после 1550 г. и, возможно, не первой от его имени.

¹⁷ Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России... Т. 1. С. 24.